

А

Иван Иванович Лажечников.

Несколько заметок и воспоминаний

по поводу статьи
"Материалы для биографии А.П.Ермолова"

Книга: И.И.Лажечников.

"Басурман. Колдун на Сухаревой башне. Очерки-воспоминания"

Издательство "Советская Россия", Москва, 1989

OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 1 ноября 2002 года

{1} - Так обозначены ссылки на примечания соответствующей страницы.

В "Русском Вестнике" помещен ряд статей М.П.Погодина{443}: "Материалы для биографии А.П.Ермолова" - драгоценные материалы, за которые нельзя не поблагодарить почтенного их собирателя. Читая их, переносишься мыслями и сердцем в великую эпоху 1812-1815 годов, этот "век богатырей", как называл его наш знаменитый партизан и поэт Давыдов. Из плеяды личностей, блиставших в эту дивную эпоху, ярко выступает А.П.Ермолов. Да, природа редко создает таких мужей, в которых богатырская наружность соединялась бы с такими богатырскими силами ума и духа, какими он был наделен. Присоедините к этому дар слова, дар обворожать своим обращением всех, кто к нему приближался, и особенно своих подчиненных "боевых товарищей", как он их называл. Подчиненных - сказал я потому, что с высшими он не умел ладить, вследствие ли своего характера, с которым знакомят нас статья Погодина и собственные записки Ермолова{443} (к сожалению, написанные латинским строем), или вследствие того, что его проницательный ум быстро замечал чужие ошибки и недостатки, скрывать которые он не считал нужным, или вследствие врожденной его склонности к сарказму, для успеха которого он пренебрегал иногда благоразумием. Во всяком случае, можно сказать, что в его благородной натуре не было умения подлаживаться.

Я сказал, что Ермолов имел дар особенно привлекать своих подчиненных. Только одного современного ему, также знаменитого генерала, знал я с подобным даром: - это был Н.Н.Раевский. Но у этого он выливался безрасчетно, от душевной доброты, а у Ермолова, может быть, и от расчетов ума. Алексей Петрович выигрывал в этом отношении еще своим остроумием. Известно, что его остроты электрически расходились по армии и приобретали ему немало жарких почитателей, особенно среди молодежи, но немало и непримиримых врагов между теми, на кого были устремлены. Раевский терял еще и тем, что, по расстройству слухового органа, не мог надлежащим образом поддерживать разговор.

В должности адъютанта генерала Полуектова{444}, которого Ермолов любил за его умную, приятную беседу, часто приправленную, с грехом пополам, красным словом, я имел счастье служить под начальством Алексея Петровича во время походов 1814 и 15 годов, когда он командовал гренадерским корпусом, и часто видел его в офицерском кругу. Здесь-то, душою весь нараспашку, он очаровывал своих сослуживцев простотой и любезностью обращения; здесь не было чинов, и офицеры, забывая их, никогда, однако ж, не забывали, что находятся перед Ермоловым, к которому привыкли питать глубокое уважение, благоговейную любовь и преданность.

Армия наша была только в нескольких лье от Парижа. Расположась в какой-то крестьянской избышке на ночлег, закусив чем попало и завернувшись в походную шинель, я только что хотел предаться сну, как услышал зловещий сбор. Что за притча? подумал я. Уж не сделал ли неприятель нечаянного нападения на нас? Не сыграл ли Наполеон одну из своих смелых стратегических штук, которыми изумлял нас в пароксизмах своего гения после Бриеннского дела? Так, он отхватил целый отряд наш, покоившийся в объятиях обломовщины, с генералами*, пушками и знаменами, выставленными потом в торжественной процессии на потеху парижан. Но нас успокаивала мысль, что с нами целая армия, что в среде ее сам государь и блюдет ее своими зоркими очами. На этот раз мы узнали, что Наполеон очутился позади нашей армии, чтоб оттянуть ее от Парижа к Рейну. В первые часы тревоги, произведенной этим отчаянным маневром, нам велено было отступить. Но это движение продолжалось только